

ИННА ВРОНСКАЯ
ВЛАДА КАС

ИЗМЕНА БИЛЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

в один конец

18+

Инна Вронская

Измена. Билет в один конец

«Автор»

2026

Вронская И.

Измена. Билет в один конец / И. Вронская — «Автор», 2026

Я стою в проходе поезда, прижавшись спиной к холодной стене, и слушаю, как рушится моя жизнь. Когда в кармане платья лежит такой долгожданный положительный тест на беременность. Из-за двери пятого купе доносится шуршание одежды, звон пряжки мужского ремня, и тихий, довольный смех. Не помню, как я толкаю дверь вперед. И вижу. Мой муж изменяет мне прямо на столе вагона СВ Москва-Сочи. — Дверь закрой и зайди, — говорит Родион строго, будто я провинившаяся школьница, а не его жена, заставшая его с любовницей. — Поднимешь шум – убью! — Развод! - кричу я, что есть силы в голосе. В ответ замахиваюсь и бью мужа по щеке. Родион хватает меня за руку. И тащит меня к концу вагона, к тамбуру, к открытой двери. — Ты думаешь, ты можешь подать на развод? — шипит муж, и его лицо перекошено злобой. — Ты — никто, Ульяна. Детдомовская. Безродная. Я тебя в люди вывел, а ты — неблагодарная, да еще убогая! Он выталкивает меня за дверь. И я свисаю над рельсами. Рука выскальзывает...

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Инна Вронская

Измена. Билет в один конец

Глава 1

— Тебя что твоя детдомовская голодом решила заморить, Родя? — голос свекрови режет слух сквозь закрытую дверь кухни.

Я замерла у двери, прижав к груди утренний тест на беременность, который до сих пор жжет ладонь своими двумя розовыми полосками.

— Совсем хозяйством не занимается, — продолжает Лариса Валерьевна, и я слышу, как громко хлопает дверца холодильника. — Пыль везде лежит, а ты ее на моря собрался везти.

Родион отвечает не сразу, и в этой паузе я чувствую всю тяжесть его равнодушия.

— Мам, ты слишком придирчива к ней, — его голос звучит устало, почти скучающе. — Да у Ульяны есть недостатки, но как будущая жена губернатора она меня устраивает. Тихая, кроткая, нетребовательная... А в Сочи мы едем по моим делам, а Уля никогда не видела море. Я ей разрешил поехать.

Я ей разрешил.

Не предложил, не пригласил, а разрешил.

Как собаке — погулять.

Сердце пропускает удар, и я судорожно сжимаю тест в кулаке, чувствуя, как пластик впивается в кожу.

— Надеюсь, с моря мне внуков привезете, — свекровь недовольно хмыкает, и в этом звуке столько презрения, что меня передергивает. — А то женились давно, а результата нет.

Два года пустых попыток.

Два года я молилась, плакала по ночам, пила отвары, ходила по врачам, а он даже не знает, потому что ему неинтересно.

Два года я любила его так, как только может любить женщина, которая ничего в этой жизни не имела, кроме него.

Я бежала на кухню рассказать прекрасную новость.

Бежала, спотыкаясь о собственное счастье, представляя, как его глаза засияют, как он обнимет меня, прижмет к своей широкой груди и скажет: «Уля, наконец-то».

Но как только услышала голос свекрови — замерла на пороге.

Лариса Валерьевна невзлюбила меня с первой минуты.

— Безродная, детдомовская, охмурила моего мальчика, — только эти шепотки я и слышала за спиной на каждом семейном обеде, на каждом празднике, куда меня допускали как некрасивое, но нужное дополнение к интерьеру.

А я всего лишь влюбилась.

Влюбилась в того раненого майора, героя, которого с таким волнением ставила на ноги в госпитале.

Он лежал в палате неделями, высокий, фигуристый блондин с лицом древнегреческой статуи — чеканный профиль, волевой подбородок, глаза цвета северного неба. Я подходила к его кровати, и сердце каждый раз выпрыгивало из груди.

Майор Родион Ветров — имя, которое я шептала ночами, как молитву.

А он заметил меня.

Среди всех медсестер, среди белых халатов и усталых лиц — заметил именно меня, кроткую, застенчивую Ульяну, которая боялась поднять на него глаза.

Он позвал замуж, как только выписался из больницы.

Это было так неожиданно, так волнительно.

Моя первая большая любовь.

Мой первый мужчина во всех отношениях...

Я громко закашляла, чтобы дать о себе знать.

Голоса на кухне мгновенно стихли.

Я толкнула дверь и вошла, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Лариса Валерьевна тут же натянула на лицо дежурную улыбку — ту самую, сладкую до приторности, которую она дарила гостям и чужим людям, но никогда — мне.

— Улечка, дорогая, — ее голос сочится фальшивым радушием. — Ты уже собрала чемодан для Роди? Готова к поездке?

— Да, Лариса Валерьевна, — отвечаю я, пряча тест глубоко в карман джинсов. — Все готово. Выезжаем через два часа.

— Через час, — поправляет меня Родион, даже не поднимая глаз от телефона. — Пробки. А мне нужно еще решить пару рабочих вопросов.

Он допивает свой кофе одним глотком, встает из-за стола и целует меня в макушку — так целуют ребенка, случайно подвернувшегося под руку.

Быстрым шагом поднимается на второй этаж.

Я провожаю его взглядом — широкие плечи, военная выправка, золотистые волосы, падающие на высокий лоб.

Боги.

Они так красиво падают.

Но он уже не смотрит на меня.

Улыбка с лица свекрови слетает мгновенно, как только за Родионом закрывается дверь.

— А я пока испеку любимый Родин лимонный пирог в дорогу, — говорит она, открывая холодильник. — От тебя же не дождешься, Улечка. Ты у нас так редко готовишь, все на доставках да по ресторанам.

Я вымученно киваю, хотя в холодильнике стоят три контейнера с домашней едой, которую я приготовила для Родиона вчера вечером, — его любимые куриные котлеты, овощное рагу и домашний хлеб.

Но Лариса Валерьевна этого не замечает.

Она вообще никогда не замечает того, что делаю я.

Я оставляю ее одну на кухне и выскальзываю в сад.

Вдох.

Выдох.

Мои пальцы касаются кармана, где лежит заветная полоска.

— Сегодняшнее счастье не омрачить ничем, — шепчу я себе под нос. — Ничем и никогда.

Я прижимаю руку к животу и шепчу снова: — Здравствуй, малыш. Мы с папой так тебя любим.

—

Поезд Москва-Сочи казался мне не просто поездом.

Он казался мне билетом в новую жизнь, где мы с Родей станем счастливыми родителями сына или дочки, где его сердце наконец-то оттаяет, а сердце непреклонной Ларисы Валерьевны смягчится.

Я смотрела на проплывающие за окном платформы вокзала и улыбалась как девчонка.

— Родь, а ты помнишь, как мы первый раз ехали из Тамбова, из госпиталя? — спросила я, пытаюсь завязать разговор.

— Угу, — буркнул он, не поднимая головы от телефона.

Родион шел впереди, неся один чемодан — свой.

Второй, мой, тащила я сама.

Мы нашли наше купе — третье, СВ, с двумя полками и маленьким столиком.

Все как в старых фильмах.

Проводник, пожилая женщина с добрыми глазами, проверила билеты и паспорта, пожелала счастливого пути и ушла.

Я поставила чемодан в угол, разложила свои скромные пожитки, достала из сумки книгу — любовный роман, который читала уже в третий раз.

Родион сел у окна, открыл ноутбук, нахмурил брови.

— Родь, может, чаю закажем? — спросила я робко.

— Потом, — отрезал он, даже не взглянув на меня.

Я смотрю на его профиль и думаю: «Скажу в поезде. Скажу сегодня ночью. Закажем шампанское, и я признаюсь».

Но судьба решила иначе.

Неожиданно дверь нашего купе распахивается без стука, и внутрь врывается она.

Длинноногая блондинка с красными губами и юбкой, которая кончается там, где начинается приличие.

Ее духи ударяют в нос — сладкие, приторные, на грани тошноты.

Я невольно сжимаюсь, чувствуя себя маленькой и серой в своем легком шифоновом платье в горошек, которое казалось мне таким нарядным еще полчаса назад.

— Это пятое купе? — она улыбается Родиону, и в этой улыбке столько самоуверенности, что меня передергивает.

Я смотрю на мужа.

Его рука дергается от мышки ноутбука.

Пальцы замирают на клавиатуре.

Он поправляет галстук — нервное движение, которое я знаю у него только по одному случаю: когда он врет.

— Нет, — отвечаю я, потому что Родион молчит. — Это третье купе.

Она переводит на меня взгляд — скользит, как по пустому месту — и снова смотрит на мужа.

— Ох, я кажется перепутала... — смеется она, заправляя прядь волос за ухо так, чтобы блеснули серьги с бриллиантами. — Извините меня, что помешала вам.

Она поворачивается, чтобы уйти, и будто невзначай бросает:

— Родион Константинович, это же вы? Я вам когда-то документы на подпись приносила, проект согласовывали по поставке гравия. Помните? Я — Мила. Тоже на форум в Сочи едите?

Родион кашляет — сухо, неестественно.

— Да, Мила, — говорит он, и голос звучит на полтона ниже обычного. — Конечно помню. Приятной вам поездки.

Мила.

Ее зовут Мила.

Она выходит, закрывая за собой дверь, а я сижу и смотрю на мужа, но он уже снова уткнулся в экран, будто ничего не случилось.

Будто эта женщина не смотрела на него так, как я никогда не смотрела.

С завистью.

С правом собственности.

С обещанием.

—

Поезд трогается в путь.

Вагон плавно качает, за окном мелькают пригородные платформы, деревья, серые пятиэтажки.

— Пока связь совсем не пропала, сделаю пару звонков, — Родион откладывает ноутбук и тянется за пиджаком. — Кажется, в тамбуре хорошо ловит.

Он надевает пиджак — идеально сидящий, подчеркивающий плечи, делающий его похожим на античного героя, сошедшего с пьедестала.

— Не скучай, Уля, — он чмокает меня в лоб, сухо, механически. — Закажи что-нибудь в вагоне-ресторане на ужин.

— Но, Родя, — я хватаю его за рукав, потому что больше не могу молчать, потому что внутри меня растет чудо, которое нужно назвать вслух. — Я хотела сказать тебе...

— Все потом, Уля, — он мягко, но твердо снимает мою руку со своего рукава. — Целая ночь впереди. Еще успеем поговорить.

Дверь закрывается за ним с тихим щелчком.

За окном уже темнеет.

На столике стоит стакан с недопитым чаем, в углу лежит моя книга, на полке — тест на беременность, который я все еще не решилась показать.

Я ложусь на полку, укрываюсь пледом и закрываю глаза.

Организм предательски слабеет — сказываются первые недели, гормоны, усталость.

Я засыпаю почти мгновенно.

—

Просыпаюсь от того, что желудок выворачивает наизнанку.

Тошнота накатывает волной, резкой, нестерпимой.

— Господи, — стону я, хватаясь за живот. — Только не это.

Я открываю глаза — в купе темно, только за окном проплывают редкие огоньки станций.

Родиона нет.

Его полка пуста, ноутбук закрыт, пиджак висит на плечиках.

— Родя? — зову я тихо.

Тишина.

Меня снова выворачивает.

Я сажусь, зажимаю рот рукой и бегу к туалету.

Ноги подкашиваются, в глазах темнеет, но я успеваю.

Токсикоз.

Первые звоночки.

Я склоняюсь над раковиной, и меня выворачивает настолько сильно, что из глаз текут слезы.

Но я улыбаюсь.

Потому что это нормально.

Потому что внутри меня растет жизнь.

— Ничего, малыш, — шепчу я, умываясь холодной водой. — Ничего страшного. Мы справимся.

Я вытираю лицо бумажным полотенцем и выхожу в коридор.

И тут я слышу его.

Голос Родиона.

Родной, знакомый до боли, до спазма в горле.

Но он доносится не из тамбура, а из соседнего купе — того самого, пятого, куда так спешила блондинка.

— Я же купил тебе билеты в другой вагон, Мила! — голос мужа звучит зло, срываясь на шипение. — Ты испытываешь мое терпение!

Я замираю.

Ноги прирастают к полу.

— Милый, — слышу я тот самый сладкий, манящий голос. — Я так скучала. И хотела своими глазами увидеть твою серую мышь. Ну прости меня, котик.

Котик.

Она называет его котик.

Моего мужа.

Героя войны, майора, будущего губернатора — котик.

Я узнаю этот голос.

Тот самый.

Красные губы. Короткая юбка. Белоснежная улыбка.

Мила.

— Снимай чулки, — слышу я голос Родиона, и в нем больше нет злости, в нем есть только голод. — И юбку. Сейчас буду тебя наказывать.

Глава 2

Я стою в проходе поезда, прижавшись спиной к холодной стене, и слушаю, как рушится моя жизнь.

Из-за двери пятого купе доносится шуршание одежды, звон пряжки мужского ремня, и тихий, довольный смех той самой блондинки с красными губами.

— Ах, Родя... — шепчет она, и в этом шепоте столько сладости, что меня тошнит.

Тошнит не от токсикоза.

Тошнит от них.

Я не помню, как моя рука ложится на ручку двери.

Не помню, как я толкаю ее вперед.

Я просто открываю дверь.

И вижу.

Они на столе.

Мой муж — высокий, статный, с лицом древнегреческого бога — стоит между ее длинных ног, и его руки сжимают ее бедра так, как когда-то сжимали мои.

Блондинка в юбке, которая задралась куда-то к талии, в чулках, которые он так приказал ей снять, но она не послушалась.

Мой муж.

С чужой женщиной.

На моих глазах.

Блондинка замечает меня первой.

Ее глаза расширяются, рот приоткрывается, и она хватается Родиона за плечо.

— Родя! — едва слышно говорит она, и в ее голосе нет стыда, нет вины, есть только досада, что помешали. — Родя, там... твоя...

Родион даже не останавливается.

Он продолжает свои ритмичные движения, будто ничего не случилось, будто я — всего лишь муха, залетевшая в открытое окно.

Я смотрю на него и не узнаю.

Где тот раненый майор, за которого я молилась по ночам?

Где тот мужчина, который сказал мне: «Уля, ты будешь моей женой»?

Где моя любовь?

Она лежит на столе в чужом купе и стонет под другим мужчиной.

Нет.

Он не другой.

Он мой.

Был моим.

Родион неспеша отстраняется от блондинки, натягивает штаны, застегивает ширинку, поправляет ремень.

Каждое его движение — издевательство.

Он не торопится.

Не стыдится.

Не боится.

Он нехотя поворачивается ко мне, и в его глазах — пустота.

— Дверь закрой и зайди, — говорит он строго, будто я провинившаяся школьница, а не его жена, заставшая его с любовницей. — Не собирай народ.

Он боится, что кто-то увидит его без штанов, но не боится, что я увижу его без души.

Я закрываю дверь.

Не потому, что он приказал.

А потому что не хочу, чтобы кто-то видел мое унижение.

— Садись, — Родион кивает на нижнюю полку, и его голос спокоен, будто мы обсуждаем погоду или планы на завтрак. — Поговорим.

— Поговорим? — мой голос дрожит, срывается, ломается. — Ты хочешь со мной поговорить, Родя? После того, что я только что увидела?

— Замолчи, — он садится напротив меня, блондинка поправляет юбку и садится рядом с ним, положив руку ему на колено. — Ты слишком эмоциональна.

— Слишком эмоциональна? — я чувствую, как внутри закипает что-то горячее, что-то, что я никогда не чувствовала раньше. — Я застала мужа с другой женщиной, а ты говоришь мне, что я слишком эмоциональна?

— Милая, — блондинка улыбается мне той самой белоснежной улыбкой, и в ее глазах столько превосходства, что меня передергивает. — Ты не понимаешь. Мы с Родей давно вместе. Еще до вас.

Давно вместе.

Еще до меня.

— Что? — я перевожу взгляд на Родиона. — Что она говорит?

Родион вздыхает, как от утомительной обязанности.

— Мила права, Уля. Мы с ней познакомились за полгода до тебя. Она была... она есть женщина, которую я люблю.

Любит.

Он любит ее.

А я?

— А я? — шепчу я, чувствуя, как внутри все обрывается. — А я кто, Родя?

— Ты — моя жена, — говорит он спокойно, будто это все объясняет. — Ты — та, кто родит мне детей. Ты — та, кто будет стоять рядом со мной, когда я стану губернатором. Тихая, кроткая, безродная. Никто не будет ревновать, никто не будет устраивать скандалов. Ты — идеальная жена для политика.

Идеальная.

Тихая.

Кроткая.

Безродная.

— А она? — киваю я на Милу, которая смотрит на меня как на грязь под ногами.

— А Мила — для души, — Родион пожимает плечами. — Для страсти. Для ночей, когда хочется настоящего огня, а не твоей...детской, невинной нежности.

Он не договорил.

Но я поняла.— Ты должна это принять, Уля, — продолжает он, и в его голосе появляются командные нотки, те самые, которые я так любила в госпитале, когда он отдавал приказы солдатам. — Моего внимания хватит на двоих. Ты будешь рожать мне детей, Мила тоже будет рожать. Я буду счастлив и с теми, и с другими.

Я смотрю на него и не узнаю.

Где тот раненый майор, который смотрел на меня влюбленными глазами?

Где тот мужчина, который сказал: «Уля, я никогда тебя не брошу»?

Он умер?

Или его никогда не было?

— И даже больше, — Мила наклоняется к Родиону, целует его в щеку и смотрит на меня с вызовом. — Я уже могу быть беременной, Родя. У меня задержка.

Эти слова бьют сильнее, чем пощечина.

Сильнее, чем падение с поезда.

Сильнее, чем смерть.

— Поздравляю, — выдавливаю я из себя, хотя внутри все кричит. — Поздравляю, Родя. Ты будешь отцом. Может быть.

— Ты не обижайся, Улечка, — Мила улыбается, и в этой улыбке столько яда, что можно отравиться. — Может, у тебя тоже когда-нибудь получится. Не сразу, конечно, но... когда-нибудь.

Она знает.

Она знает, что у нас два года ничего не получается.

Родион ей рассказал.

Он делится с ней нашими тайнами, нашими болями, нашими ночными молитвами о ребенке.

— Тварь, — шепчу я, и это слово срывается с губ раньше, чем я успеваю его остановить. — Ты — тварь, Мила.

— Что ты сказала? — Мила вскидывается, но Родион останавливает ее жестом.

— Уля, не опускайся до склок, — говорит он устало. — Это не красит женщину.

— Не красит? — я встаю, и ноги меня держат, хотя я не знаю как. — А что меня красит, Родя? То, что я два года стирала твои рубашки? Готовила твои ужины? Слушала твою мать, которая называет меня детдомовской? Молилась по ночам, чтобы ты меня любил?

— Я тебя люблю, — говорит он, и это слово звучит фальшиво, пусто, мертво. — Просто по-своему.

— По-своему? — я чувствую, как внутри поднимается что-то огромное, горячее, неуправляемое. — Ты не любишь меня, Родя. Ты используешь меня. Я для тебя — мебель. Красивая, удобная, незаметная. Чтобы никто не мешал тебе трахать эту... эту...

Я машу рукой в сторону Милы, и она вскакивает.

— Ты, детдомовская крыса! — кричит она, и ее идеальное лицо искажается злобой. — Да кто ты такая, чтобы так со мной разговаривать? Я — дочь министра! А ты — никто!

— Никто, — тихо повторяю я, и это слово больнее всех остальных. — Да, я никто. Я детдомовская. У меня нет родителей, нет фамилии, нет состояния. Но у меня есть сердце, Мила. Есть душа. Есть любовь. А у тебя есть только ноги от ушей и любовник, который тебя не бросит, потому что ты ему удобна.

— Пошла вон! — Мила замахивается, но Родион перехватывает ее руку.

— Хватит, — говорит он спокойно, но в этом спокойствии столько угрозы, что Мила мгновенно садится на место.

Я смотрю на него.

На своего мужа.

На человека, которому я отдала все.

— Знаешь что, Родя? — мой голос становится тихим, очень тихим, и в этой тишине столько боли, что я сама удивляюсь, как еще живу. — Я любила тебя. По-настоящему. Не за деньги, не за статус, не за фамилию. Я полюбила тебя в госпитале, когда ты лежал весь в бинтах и не мог даже ложку держать. Я меняла тебе простыни, я держала тебя за руку, когда ты кричал по ночам. Я верила, что ты — мой человек. Мое счастье. Мое будущее.

— Уля... — начинает он, но я не даю ему договорить.

— А ты, — я смотрю ему прямо в глаза, и в моих слезах он должен увидеть всю боль, которую причинил. — Ты — чудовище. Ты женился на мне, потому что я тихая и кроткая. Потому что я не буду скандалить. Потому что я буду терпеть. И я терпела, Родя. Два года я терпела твою мать, твое равнодушие, твои ночные отлучки. Я терпела, потому что любила. Но теперь...

Я подхожу к нему ближе.

Я смотрю на него сверху вниз, хотя он выше меня на голову.

— Но теперь все кончено, — говорю я, и в моем голосе сталь, о которую разбиваются его приказы. — Я буду подавать на развод.

— Что? — Родион вскакивает, и в его глазах мелькает страх. — Ты с ума сошла? Ты не посмеешь!

— Еще как посмею, — я чувствую, как внутри все горит, но я не отступлю. — Ты меня пальцем больше не тронешь, Родион Ветров. Я не твоя вещь. Я не твоя мебель. Я — человек.

Я замахиваюсь и бью его по щеке.

Звонко, сильно, так, что у меня саму руку отдает болью.

— Это тебе за мои два года, — говорю я. — За мои слезы. За мои ночи.

Он смотрит на меня, и в его глазах я вижу не боль, не стыд, а ярость.

Чистую, беспощадную ярость.

— Ты пожалеешь, — шепчет он, и в его голосе столько холода, что меня пробирает дрожь. — Ты пожалеешь, что родилась на свет, Ульяна.

Он хватается за меня за руку.

Больно.

Очень больно.

Его пальцы впиваются в мое запястье, и я чувствую, как хрустят кости.

— Отпусти... — шепчу я, но он не слышит.

Он тащит меня по коридору вагона, мимо спящих купе, мимо проводницы, которая смотрит на нас испуганными глазами.

Я спотыкаюсь, падаю, но он не останавливается.

Он тащит меня к концу вагона, к тамбуру, к открытой двери.

— Ты думаешь, ты можешь меня бросить? — шипит он, и его лицо перекошено злобой. — Ты — никто, Ульяна. Детдомовская. Безродная. Я тебя в люди вывел, а ты — неблагодарная тварь!

Он открывает дверь вагона.

Ветер врывается внутрь, холодный, колючий, и я слышу грохот колес — страшный, неумолимый.

— Родя, не надо, пожалуйста! — кричу я, но он не слушает.

Он выталкивает меня за дверь.

Я свисаю над рельсами.

Внизу — тьма, грохот, смерть.

Он держит меня одной рукой.

Одной рукой между жизнью и смертью.

— Ты хорошо меня поняла? — кричит он, и его голос перекрывает шум поезда. — Ты будешь делать то, что я скажу. Ты никуда не денешься. Ты — моя.

— Родя... — рыдаю я, и слезы смешиваются с ветром. — Пожалуйста...

— Отвечай! — орет он. — Ты поняла меня?!

— Да! — кричу я в отчаянии. — Да, поняла! Отпусти меня, пожалуйста!

Он смеется.

Смеется, глядя на меня, висящую над пропастью.

— Всегда знал, что ты — трусиха, — говорит он.

И в этот момент его рука соскальзывает.

Я чувствую, как его пальцы разжимаются.

Я чувствую, как лечу.

Удар.

Боль.

И ничего.

Совсем ничего.

Только холодные рельсы, мчащийся поезд, и крик Родиона где-то высоко-высоко, который уже не имеет значения.

Глава 3

Я открываю глаза и ничего не помню.

Белый потолок, белые стены, белые простыни.

Белый свет из окна режет глаза, и я щурюсь, как новорожденный котенок, который впервые видит мир.

— Где я? — шепчу я, и голос звучит чужим, хриплым, будто им не пользовались годами.

Тишина.

Только капельница в руке тихо постукивает, вливая в меня чью-то чужую жизнь.

Я смотрю на свою руку — худую, бледную, с синими венами, просвечивающими сквозь тонкую кожу.

На пальце — кольцо.

Золотое, тонкое, с маленьким бриллиантом.

Чье?

Мое?

Я не помню.

Я ничего не помню.

Кто я?

Как меня зовут?

Сколько мне лет?

Паника накрывает меня с головой, как холодная волна.

Я пытаюсь сесть, но тело не слушается, мышцы отказывают, и я падаю обратно на подушку, тяжело дыша.

— Тихо, тихо, милая, — голос рядом, мягкий, женский, успокаивающий.

Я поворачиваю голову и вижу пожилую женщину в белом халате.

Медсестра.

В глазах — жалость.

— Ты две недели в коме была, — говорит она, поправляя мне одеяло. — Организм слабый. Не дергайся.

— Две недели? — я не понимаю. — Что случилось? Где я? Кто я?

Медсестра вздыхает, и этот вздох тяжелый, как камень.

— Тебя поезд сбил, дочка, — говорит она тихо. — Точнее, ты из поезда выпала. Тебя нашли у насыпи. Чудом выжила.

Из поезда выпала.

Я выпала из поезда.

— Зачем я выпала из поезда? — спрашиваю я, чувствуя, как голова раскалывается от попытки вспомнить.

— Не знаю, милая, — медсестра гладит меня по руке. — Ты ничего не помнишь? Имя? Откуда ты?

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить.

Пустота.

Темнота.

Только грохот колес, ветер в ушах, и чей-то крик.

Мужской.

Злой.

— Нет, — шепчу я. — Ничего.

— Документов при тебе не было, — медсестра качает головой. — Ни паспорта, ни телефона, ни сумки. Только кольцо на пальце и одежда. Анализы показали, что ты беременна. Восемь недель.

Беременна.

Я опускаю руку на живот.

Плоский.

Но внутри — жизнь.

Маленькая жизнь.

— Ребенок? — спрашиваю я, боясь услышать ответ.

— Цел, — медсестра улыбается. — Чудом. Врачи говорят, что ты — чудо. Такое падение пережить и ребенка сохранить.

Чудо.

Я — чудо.

Но я не помню, кому обязана этим чудом.

— Кто меня привез? — спрашиваю я, потому что это единственное, что приходит в голову.

Медсестра оглядывается по сторонам и понижает голос:

— Генерал. Дмитрий Сергеевич Волконский. Нашел тебя у насыпи, когда на охоте был. Привез в госпиталь, оплатил лечение. Хороший человек. Суровый, но справедливый. Он к тебе каждый день заходит, справляется.

Генерал.

У насыпи.

На охоте.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить его лицо.

Темнота.

Ничего.

— Он здесь? — спрашиваю я. — Я хочу его поблагодарить.

— Уехал, — медсестра снова вздыхает. — Но обещал вернуться. У него мать пожилая, он за ней присматривает. Один у нее.

Один.

Значит, он тоже один.

Как я.

Только я не помню — был ли у меня кто-то.

Муж. Родители. Друзья?

Пустота.

—

Вечером дверь палаты открывается, и я слышу тяжелые шаги.

Они неторопливые, уверенные, хозяйские.

Я поднимаю голову и вижу его.

Высокий, плечистый, с сединой на висках. Лет сорока пяти, не больше.

Лицо суровое, изрезанное морщинами — следы ветра, времени, тяжелых дум.

Глаза серые, холодные, как зимнее небо.

На нем простая рубашка с закатанными рукавами, темные брюки, на ногах — добротные ботинки.

Он смотрит на меня, и в его взгляде нет ни жалости, ни любопытства.

Одна усталость.

Долг.

— Очнулась, — говорит он, и голос низкий, хриплый, будто он им редко пользуется. — Хорошо.

— Вы... вы генерал Волконский? — спрашиваю я, и голос предательски дрожит.

Он кивает, не садясь, не подходя ближе.

— Дмитрий Сергеевич, — поправляет он. — Можно просто Дмитрий.

— Спасибо, — выдыхаю я. — Спасибо, что спасли меня.

— Долг военного, — он пожимает плечами, и в этом жесте столько привычной отстраненности, что мне становится холодно. — Не мог оставить человека умирать.

— Но вы... вы не знали, кто я. Могли проехать мимо, — говорю я, чувствуя, как слезы подступают к горлу.

— Не проехал, — коротко отвечает он.

Повисает тишина.

Я смотрю на его руки — крупные, сильные, в мозолях.

Руки человека, который привык работать, привык отвечать за других, привык не жалеть себя.

— Вы знаете, кто я? — спрашиваю я. — Врачи сказали, у меня нет документов.

— Нет, — он качает головой. — Ни имени, ни прошлого. Только кольцо. Может, муж где-то ищет. Может, нет.

— Я ничего не помню, — шепчу я, и слезы текут по щекам. — Совсем ничего. Только грохот колес и крик.

Он молчит.

Долго молчит.

Потом подходит к окну, смотрит на улицу, говорит, не оборачиваясь:

— Врачи сказали, память может вернуться. А может и нет. Нужно время.

— А если не вернется? — спрашиваю я. — Что тогда?

Он поворачивается, и в его серых глазах я вижу что-то похожее на сочувствие.

— Тогда будешь жить дальше, — говорит он. — Как новая ТЫ.

Как новая.

Я — новая.

Без прошлого, без имени, без дома.

— Вас выписывают через два дня, — продолжает он, и в его голосе появляются командные нотки. — В больнице вас держать не будут. Денег у вас нет, документов нет. Жить негде.

Я опускаю глаза.

Он прав.

У меня нет ничего.

Даже имени.

— Социальный реабилитационный центр, — говорю я тихо. — Медсестра сказала, туда отправляют таких, как я.

— Отправляют, — он кивает. — Я был там. Вчера.

— И? — я поднимаю на него глаза.

— И решил, — он делает паузу, будто взвешивает каждое слово. — Ты поедешь ко мне. Поживешь у меня в доме.

— Что? — я не верю своим ушам. — Зачем? Вы меня не знаете. Я могу быть кем угодно. Могу быть опасной.

Он усмехается — в первый раз, и эта усмешка невеселая, горькая.

— Опасной? — он смотрит на мои худые руки, на капельницу, на живот. — Ты в восьми неделях беременности, вешишь меньше пятидесяти килограммов и не помнишь, как тебя зовут. Вряд ли ты представляешь угрозу.

— Но почему? — я не понимаю. — Почему вы хотите мне помочь?

Он молчит.

Долго смотрит в окно, на темнеющее небо.

— Моей матери нужна помощь по хозяйству, — говорит он наконец. — Она старая, ноги не ходят. Ты могла бы... готовить, убирать, присматривать за ней. Взамен — крыша над головой и еда. Пока не встанешь на ноги.

— А если я никогда не вспомню, кто я? — спрашиваю я, чувствуя, как страх сжимает горло.

— Значит, так тому и быть, — он пожимает плечами. — Будешь жить новой жизнью.

— Но у меня есть ребенок, — я кладу руку на живот. — Чужой ребенок. Не ваш. Зачем вам это?

Он снова усмехается, но теперь в его глазах что-то меняется — появляется тепло, которое он, кажется, пытается спрятать.

— У меня не было детей, — говорит он тихо. — Уже не будет. А ты... ты молодая. У тебя вся жизнь впереди. И ребенок. Нельзя, чтобы вы пропали.

— Вы добрый человек, — шепчу я, и слезы снова текут по щекам.

— Нет, — он резко оборачивается, и его лицо снова становится каменным. — Я не добрый. Я просто выполняю свой долг. Не благодари. Поживешь — уедешь. И забудешь.

Он достает из кармана ключи, поворачивается к двери.

— Дмитрий Сергеевич, — окликаю я его. — Спасибо. Все равно спасибо.

Он останавливается на пороге, не оборачиваясь.

— Дмитрий, — поправляет он. — Просто Дмитрий.

Дверь закрывается.

Я остаюсь одна в белой палате, с капельницей в руке и крошечной жизнью внутри.

— Кто я? — шепчу я в пустоту. — Как меня зовут?

Тишина не отвечает.

Золотое кольцо на пальце блестит в свете лампы.

Я смотрю на него и пытаюсь вспомнить, кто надел его на мою руку.

Любил ли он меня?

Любила ли я его?

Ищет ли он меня сейчас?

Или...

Или я выпала из поезда не случайно?

Грохот колес.

Ветер в ушах.

Чей-то злой крик.

Я закрываю глаза и чувствую, как внутри поднимается тошнота.

Неот токсикоза.

От страха.

— Кто ты? — спрашиваю я себя. — Как мне тебя называть?

Ульяна...

Имя сорвалось с губ. Не вспомнила — просто сказала.

— Ульяна, — повторяю я громче. — Меня зовут Ульяна.

Сердце бьется быстрее.

Может быть, память возвращается?
Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить еще что-нибудь.
Пустота.
Только грохот колес.
Ветер.
Крик.

—

Через два дня меня выписывают.
Я стою у входа в больницу, бледная, худая, в чужой одежде, которую дала медсестра, и держу в руке маленький пакет — все мое имущество.
Золотое кольцо на пальце.
И живот.
Маленький, едва заметный, но уже мой.
Подъезжает черный внедорожник.
Дверь открывается, и я вижу его.
Генерал Волконский.
Дмитрий.
— Садись, — говорит он коротко, и я сажусь.
Машина пахнет кожей и хвоей.
Тихо играет радио — какая-то старая песня о любви.
Я смотрю в окно на проплывающие мимо дома, деревья, людей.
Они живут своей жизнью, а я — своей.
Но я не знаю, какая она — моя жизнь.
— Дмитрий, — говорю я тихо. — Я не вспомнила свое имя. Но, с сегодня меня зовут Ульяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.